

Маленький фельетон

Жили два
соавтора

Два соавтора написали пьесу. Сдали ее в Управление по делам искусств при Моссовете. И вдруг пьеса исчезла. Возможно, что ее просто слопали крысы, не отличающиеся, как известно, тонким литературным вкусом.

Так или иначе, но пьеса Валентина Громова и Александра Мейера была утеряна. Произошел следующий торг:

— Тысячу рублей на бочку, и мы квиты, — сказали соавторы.

— Пятьсот, — предложил представитель управления.

— Ну, ладно, семьсот пятьдесят.

— Нет, пятьсот, — твердо стоял на своем представитель, — да и то только потому, что ваша пьеса потеряна. Будь она цела, и двухсот не стоила бы.

Соавторы быстро сообразили, что к чему, и взяли деньги.

Потом они спохватились, что «продешевили». И предъявили к управлению гражданский иск еще на четыре с половиной тысячи рублей. Когда изумленный ответчик спросил, почему Громов и Мейер так высоко оценивают один экземпляр пьесы, истцы скорбно ответили, что это, мол, не просто «один» экземпляр, а единственный...

Да, да, единственный экземпляр! Утерян, дескать, большой творческий труд. Навсегда погибли плоды многих бессонных ночей, тех ночей, когда волшебные музы слетали к изголовью наших драматургов. Кроме муз к изголовью драматургов слетали еще представители реперткома со

своими поправками, и вот эти поправки также безвозвратно погибли вместе с единственным экземпляром пьесы.

Выслушав взволнованную речь пострадавших, ответчик расстегнул портфель и вытащил оттуда какую-то рукопись.

— Ваша? — ехидно спросил он.

— Наша, — заерзали смущенные истцы.

Даже белого взгляда было достаточно для определения, что это по крайней мере четвертая копия основного экземпляра. Никаких творческих поправок в рукописи не оказалось.

Суд в иске отказал. Соавторы не смутись. Они только досадливо воскликнули, совсем как небезвестный Михайло Кречинский из пьесы их коллеги Сухово-Кобылина:

— Сорвалось!

А ведь, действительно, сорвалось...

Но это уже, так сказать, дела давно минувших дней. Более свежее происшествие волнует сейчас умы. Громов и Мейер написали монолог в двести строк, посвященный выборам в местные Советы трудящихся, под названием «По всей стране». Свое произведение они выслали налоговым платежом в 34 театра.

А затем явились в Управление по охране авторских прав и потребовали, чтобы в их пользу взыскивали один процент с валового сбора всех спектаклей всех 34 театров...

— Вы с ума сошли! — деликатно осведомились у них в управлении. — Какого простите, дьявола вы будете снимать пенку с чужих спектаклей? И почему один процент с вала? Да за ваш монолог, если он где и пойдет...

— Это не монолог, а интермедия. За интермедии полагается один процент с вала.

— Нет, это монолог!.. Давайте устроим экспертизу!..

Соавторы обиделись.

— Нам не надо никаких экспертиз. Взы-

скательный художник лучше знает, сколько процентов надо взыскивать...

Они ушли и некоторое время держали свои претензии при себе. А потом вдруг бухнули в совет Управления по охране авторских прав жалобу на начальника управления и потребовали уплаты им за один месяц исполнения вышеупомянутых двухсот строк ровно 27 тысяч рублей.

Члены совета обомлели.

— Вы что же это серьезно, товарищи?

— Абсолютно. Такими тысячами не шутят.

Кто-то попытался их урезонить:

— Оставьте, ребята!.. Ведь драматурги, чьи пьесы идут по всей стране, не имеют такого гонора... Это просто грубое рвачество...

— Ах, так!.. Тогда мы идем в суд...

И они предъявили гражданский иск в Управление по охране авторских прав на 27 тысяч рублей.

Тогда были запрошены все 34 театра, куда Громов и Мейер послали свое произведение. Пока откликнулось 20, причем 18 из них вообще всячески откешивались от этого монолога, один театр признал, что пять или шесть раз действительно использовал последний, а в другом в порядке общественной нагрузки его читал член месткома.

В общем, по самым щедрым расчетам, гонорар Громова и Мейера «по всей стране» равен 400—500 рублям, т. е. так же далек от 27 тысяч, как вершина Шивкой горки на Таганке от седой главы Казбека.

Когда соавторам стало известно об этих запросах, они забеспокоились. Как бы и на сей раз не «сорвалось»! В управление с ласковым лицом пришел Громов.

— Знаете, товарищи, к чему нам суд. Давайте говорить, как художник с художником...

— Нет, давайте уж лучше говорить, как истец с ответчиком...

Но Громов не терял надежды.

— Честное слово, не хочу вас разорять... Уплатите пять тысяч, и мы возьмем заявление из суда...

— Нет, мы и трех тысяч не уплатим... Так и быть — разорайте...

Литератор, отстаивающий свои материальные интересы, должен чем-то отличаться от маклака, продающего кобылу на ярмарке. Как известно, тот всегда выдавал ключ за рысак и, назначив цену в тысячу целковых, быстро спускал ее до сорока рублей...

Но не только в этом случае драматурги Громов и Мейер ведут себя в литературе, как на ярмарке. Свои произведения они распространяют не через советские органы, как это делают все авторы, а через собственную распространительскую фирму, устроенную на квартире Мейера.

По всей стране рассылаются завлекательные преискурнты этой фирмы. Вот один из них, посланный в Управление по делам искусств города Горького и попавший оттуда в Главрепертком:

«Репертуар артистов эстрады разговорного жанра. На правах рукописи. Авторы: Валентин Громов и Александр Мейер.

1. «В часы приема» — скетч. Роли: м. I, ж. I. Тема: патриотизм, гражданский долг. Действие в кабинете врача. Цена 25 рублей.

2. «Развод» — скетч-шутка (гротеск). Роли: м. I, ж. I. Цена 20 рублей.

3. «Будем знакомы» — сатирический фельетон с пародийными песенками. Цена 15 рублей.

4. «Замечательно и окончательно» — веселые заступки с разговором на темы дня. Цена 20 рублей.

Рукописи высылаются налоговым платежом. Выписывать непосредственно у автора: Москва, 6, Мейер, Александр Эдуардович».

Вот так и жили два соавтора...

Евг. БЕРМОНТ